

3. Экономические преимущества

Реализации планов Столыпина способствовали не только обстоятельства политической и идеологической ситуации, успешно им использованные, но и блестящая экономическая обстановка. Рост промышленности в России возобновился с небывалой быстротой, соответствовавшей благоприятной внешней конъюнктуре. Благодаря массовому экспорту продовольственных товаров (Российская империя экспортировала треть своей товарной продукции зерновых и была самым крупным в мире поставщиком зерна) внешняя торговля была прибыльной, государственный бюджет уравновешенным, даже несмотря на необходимость выплачивать внешний долг. За пять лет (1908—1913 гг.) промышленное производство возросло на 54%, общее количество рабочих увеличилось на 31% — это были конкретные показатели роста промышленности в целом. Все отрасли промышленности находились на подъеме, особенно передовые, такие, как производство стали, металлургия, добыча нефти, производство электроэнергии, сельскохозяйственных машин. К тому же в ведущих отраслях наметился небывалый процесс концентрации производства, как в плане техническом (в России процент рабочих, занятых на заводах, где работало свыше 1000 человек, — 40% общего числа рабочих, — был выше, чем в США), так и в плане увеличения торгового оборота и денежной прибыли. Картели, тресты, концерны монополизировали большую часть производства и распределения в самых современных отраслях экономики.

Концентрация обеспечивалась деятельностью нескольких крупных банков, которые, как и в Германии, полностью управляли рынком. В 1913 г. более половины банковских сделок производилось через посредство шести крупнейших деловых и депозитных банков России, находившихся в Санкт-Петербурге. В столице в это время расцвела биржевая и финансовая деятельность, чему способствовал заметный рост курса ценных бумаг на бирже, особенно с 1909 г.

Довольно трудно определить точно долю иностранного капитала в российской экономике того времени. Однако можно сказать, что к 1914 г. треть общего числа всех акций обществ, действовавших на территории империи, принадлежала иностранным владельцам. Вклады иностранного капитала были особенно значительными в металлургической и нефтяной промышленности, а также в банках. В 1914 г. 65% капитала самого крупного Русско-Азиатского банка, принадлежали французским вкладчикам. Иностранцы делали также значительные капиталовложения в наиболее технически развитые отрасли промышленности, такие, как электрификация, кораблестроение, автомобилестроение. Если судить по общей сумме капиталовложений, французы занимали первое место среди инвесторов, особенно принимая в расчет суммы, внесенные ими в виде займов. Доля французского капитала достигала 12,5 млрд. франков, доля немецкого капитала — 8 млрд., доля британского капитала — 3 млрд.

Национальный доход страны увеличивался с каждым годом. Период с 1908 по 1914 г. можно по праву назвать золотым веком капитализма в России. Капитал вновь созданных в течение этих лет акционерных обществ составил 41 % общей суммы капитала всех обществ, созданных начиная с 1861 г. Более 70% новых вложений начиная с 1908 г. были сделаны за счет отечественных фондов. Свидетельством этого богатства, распределенного очень неравномерно, было двойное увеличение размеров вкладов в сберегательные кассы и на текущие счета в банках, а также то, что русские стали активно выкупать ценные бумаги, издавна находящиеся в руках иностранцев.

Для того чтобы дать объективную оценку этой картине общего преуспеяния, следует рассмотреть ее в мировом масштабе. В 1913 г. общий уровень промышленного производства в России оставался все же в два с половиной раза меньше, чем промышленное производство Франции, в шесть раз меньше, чем в Германии, в четырнадцать раз — чем в Америке. Здесь встает один важный вопрос: способствовал ли курс экономического развития, взятый Витте и продолженный Столыпиным, коренному преобразованию русской экономики и русского общества?

В своем уже ставшем классическим исследовании Р.Порталь отвечал на него утвердительно. Он считал, что период с 1905 по 1914 г. способствовал возникновению в России настоящего класса предпринимателей и рынка частного спроса, способного как в городе, так и в деревне заменить собой государственное стимулирование во всех секторах экономики. Если бы анализ Порталья соответствовал действительности, можно было бы считать, что Россия перед 1917 г. приблизилась к западной модели государства, как считают некоторые историки.

Однако утверждения Порталья оспаривали многие английские и другие исследователи, особенно такие, как Т.С.Оуэн, Ж.Л.Вест и К.Гольдберг, выдвигая следующие доводы:

— В сельском хозяйстве предвоенное десятилетие скорее благоприятствовало сельским общинам (они выкупили 6 млн. га земли), чем настоящим «крестьянам-предпринимателям» (они выкупили только 3,4 млн. га земли в личную собственность).

— В промышленности вместе с окончанием кризиса и возобновлением производства увеличился спрос в основном на металлические заготовки, что больше отвечало правительственной программе перевооружения, нежели нуждам частного предпринимательства.

— Российская буржуазия, представлявшая собой довольно разнородную группу предпринимателей, по своей идеологии была далека от норм Шумпетера: часть из них паразитировала на государственной деятельности, другая — выходцы из «староверческих» кругов — заботилась о прибыли не ради нее самой, а видя в ней средство «послужить стране» и утвердить русское могущество.

С этой точки зрения экономическая политика Витте — Столыпина не привела к какому-либо действительному приближению к западной модели. Навязанная сверху, она некоторым образом предвосхищала через постоянство индустриалистских устремлений то, что осуществлялось Сталиным с 1928 г.

В мае 1911 г. французский поверенный в делах в Санкт-Петербурге отмечал, что капиталисты России, располагающие большими суммами и поощряемые расцветом дел в стране, предприняли русификацию промышленности. Эта тенденция энергично поддерживалась министром финансов, который никогда не делал тайны из желания освободиться от требований иностранного рынка.

«Русификация промышленности» повлекла за собой усиление различных форм национализма. Во-первых, национализма, устремленного вовне империи (пан- или неославизм), что уже свидетельствовало о стремлении к завоеваниям. Старые мечты о распространении влияния на Дарданеллы и Константинополь, в прошлом обособивавшиеся религиозными, мистическими и идеологическими мотивами, получили теперь экономическую поддержку: захват Константинополя и установление контроля за Дарданеллами служили интересам торговцев, которые смогли бы экспортировать зерно и прокат черных металлов через южные порты страны. Не было ли это стремление закрепить за собой, подобно всем крупным державам, зону влияния осязательным свидетельством того, что Российская империя вступила в следующую стадию разви-

тия? Между экспансионистской политикой самодержавия и экономическими интересами национальной буржуазии существовало полное соответствие. Кадеты явно не стремились к критике подобной ориентации самодержавной политики.

Следующей формой проявления национализма можно, безусловно, считать желание буржуазии и чиновничества освободить страну от присутствия иностранного капитала в экономике. Желание высвободиться было тем большим, что не только интеллигенция, но и особенно те, кто непосредственно сталкивался с иностранным присутствием и конкуренцией, осознавали российское отставание и зависимость страны от заграницы. С распространением высшего образования служащие все острее чувствовали ущемленность своего положения, финансовую и иерархическую дискриминацию, которым они подвергались по сравнению с иностранцами, работающими на тех же предприятиях. Посол Франции в Санкт-Петербурге М.Палеолог докладывал о новом состоянии умов: «Иметь иностранцев в качестве сотрудников — пожалуйста, но дать им возможность стать хозяевами рынка — нет. Таков, кажется, нынешний девиз». Данная форма национального самосознания русских, по всей видимости, соответствовала определенному этапу развития экономики, переходу к большей независимости.

Третья форма проявления национализма в России, повлекшая многочисленные последствия для режима, — всячески разжигаемое властями и самим Столыпиным чувство превосходства русских над нерусскими народами, населявшими империю.